

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

ЗЕМЛЯ ЗЛОГО ДУХА

КРЕСТ И ПОРОХ

ДАЛЬНИЙ ПОХОД

ВЕДЬМА ВОЙНЫ

ПРОПАВШАЯ ВАТАГА

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ПРОПАВШАЯ ВАТАГА

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серийного оформления *С. Власова*
Иллюстрация на обложке *В. Ненова*

Прозоров, Александр Дмитриевич.
П79 Пропавшая ватага / Александр Прозоров, Андрей Посняков. — Москва : Эксмо, 2015. — 400 с. — (Драконы Севера).

ISBN 978-5-699-79014-2

Прошло два года с тех пор, как отряд казаков, отколовшийся от ватаги Ермака, обнаружил мир, где древние колдуны сиртя зажгли второе, магическое солнце. Благодаря ему на Севере возник оазис, в котором ожили могучие «драконы» — динозавры. Построив Троицкий острог, казаки с атаманом Иваном Егоровым во главе отбивали нападения колдунов, высылая время от времени малые ватаги за золотом. И надо же было такому случиться, что одна из ватаг не вернулась. Никто из казаков не верит, что такие бывалые воины, как сотник Силантий, немец Штраубе, походный атаман Матвей и верная супруга его, хитроглазая колдунья Митаюки-нэ, могли пропасть совсем уж бесследно, поэтому на поиски их снаряжается отряд из лучших казаков...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79014-2

© Прозоров А., Посняков А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Весна 1585 г. Троицкий острог

Друзья-враги

Атаман Иван Егоров сын Еремеев, высокий, плечистый и вполне еще молодой, хоть и уже вошедший в солидную мужскую статью — как-никак, под тридцать, — поглядев на спящего в колыбели сынишку, привлек к себе жену, погладил по плечу, уселся на лавку рядом и, покусав губу, негромко молвил:

— Эх, милая моя Настя, чую, грустновато тебе здесь, в остроге дальнем...

— Да что ты, милый!

Супружница вскинулась — совсем еще юная, стройненькая, как девчонка, с распущенными по плечам локонами цвета теплой коры каштана.

— Что ты...

— Нет, не спорь, — мягко возразил Иван. — Уж я-то знаю. Чувствую, вижу. Что у нас тут? Три десятка казаков ныне осталось да дикарки местные. Подружки-то — Олена, Онисья с Авраамкою — тоже, пожалуй, скучают...

— Да некогда нам скучать, милый! — Настя прильнула к мужу, заластилась, словно кошка, взобравша-

ся к любимой хозяйке на руки — вот-вот замурлычет. — Работы-то в остроге много.

Атаман вздохнул:

— Работа работой, а хочется иногда и многолюдства, праздника!

— То-то я и смотрю — ты нынче грустен, не я!

Улыбнувшись, юная атаманская женушка приспустила кухлянку, обнажив нежную шею, чуть тронутое загаром плечико. Оглянулась невзначай на сынишку — тот спал, счастливо пуская пузыри — да запустила руку под рубаху мужу.

— Теплый ты какой, милый... горячий...

Губы супругов слились в поцелуе, поначалу легком и быстром, словно дуновение весеннего ветерка, пахнущего мимолетным запахом пряных степных трав, а затем — постепенно — тяжелеющим, наливающимся жаркой сладостью, негой и страстью. Озорно сверкнув глазами, Настя стянула с мужа рубаху, чувствуя, как крепкие мужские руки гладят под нарядной кухлянкою — подарок подружки, Тертятко-нэ — спину, плечи, а вот горячие пальцы, поласкав пупок, дотронулись до груди, сжимая соски...

Застонав, Настя откинулась на ложе, чувствуя, как любимый супруг ловко и быстро освобождает ее от одежды — вот стащил, бросил на лавку кухлянку, узкие оленьи штаны... Прикрыв глаза, дева подалась навстречу, чувствуя, как нахлынувшая вниз живота горячая волна накрывает ее с головою, а душа уносится куда-то высоко-высоко в небо. И не стало вокруг ничего — ни хором, пусть небольших, зато — атаманских! — ни острога, ни блеклого северного неба, озаренного сиянием двух солнц: обычного, весеннего солнышка и яростного светила народа сир-тя, заж-

женного в незапамятные времена злобной колдовской силой.

Жар колдовского солнца слабо доходил до острога, поставленного казаками на самом краю владения сир-тя, полуострова, прозванного народом ненэй-ненэць — «Я-мал», что на их языке и значило — «край земли». Пылающее светило давало жизнь и благоденствие не только колдунам и их народу, но и множеству злобных и коварных тварей: свирепым зубастым двуногам — ящерам высотой с колокольню, зубастым нуерам, огромным длинношеем, водяным змеям, толщиной с добрую вязанку дров. Да кого только тут не водилось! Колдуны сир-тя умели заставить всех исполнять их волю... всех, кроме явившихся два лета назад казаков. Крепкое воинское умение, пищали и пушки, и паче того — Божье слово и сила животворящего Креста оказались сильнее заговоров сир-тя, многие города колдунов пали, и много золота обрели казаки — затем сюда и явились! За тем и послали еще по осени небольшой отряд в поход по дальним селениям — ближние-то уже давно были разорены, а их золотые идолы пополнили общую казну ватаги. Поселки, правда, все были по большей части мелкие, на крупные и богатые города — имелись у сир-тя и такие — пока не хватало сил. Да и с мелкими-то пришлось повозиться — окруженные гнусными тварями и надежной защитой оберегов, селения колдовского народа представляли собой далеко не легкую добычу, и, если бы не беспечность да самонадеянность колдунов, вряд ли ватажникам удалось бы добиться того, что они уже сделали, разорив немало земель, награбив немало золота. Впрочем, золота много не бывает — это в ватаге твердо знали все. Отрядец, опять же, послали, как только запаслись по осени мясом шерстистых слонов — товлынгов. А что еще зи-

мой делать-то? На печи лежать? Вот и выкрикнул на кругу уважаемый всеми казак Матвей Серьга — мол, а не пойти ли малой ватажкой в набег лихой дальний? Людишек тамошних, силы еще казацкой не ведавших, примучить, золотишко добыть — худо ли? Знамо дело, не худо. Так и порешили на кругу, ватажку отправили, Матвея атаманом поставив. Окромя самого Серьги еще несколько уважаемых казаков с нею отправились — десятник Силантий Андреев, казак осанистый, справный, да Ганс Штраубе, кондотьер немецкий, давно уже за своего ставший, да сам отец Амвросий — слово Божие северным дикарям нести возмечтавший. Остальные ватажники — все молодежь неженатая, им в поход дальний — любо: племянник Силантия Кудеяр Ручеек, Семенко Волк, кудрявый Евлампий с дружкой своим Никодимом да прочие такие ж. Ушли по осени — и с той поры — ни слуху ни духу. Ни сами не возвратились, ни вестников-гонцов не прислали. Тревожило то атамана сильно.

Вот и сейчас...

Погладив жену, Иван уселся на ложе, задумчиво потеряв на правом виске оставленный татарской стрелой шрам.

— Что закручинился, любый? — снова прильнула жена. — Ватажку Матвея вспомнил?

— Умная ты...

— Ничего, — Настя весело засмеялась. — У Матвея тоже супружница умная. Ах, Митаюки-нэ... Я даже по ней скучаю, ага. И по Устинье... Устинья...

Юная атаманша вдруг нахмурилась и вздохнула:

— Все до сих пор гадаю — чего ж она так... взяла вот — и сгинула.

— Не сгинула, а на Печору-реку, в острог Пустозерский, подалася, — напомнил Иван. — А с ней — и

воздыхатель ее малолетний, Маюни — шаман да проводник знатный. С ним не пропадет!

— Ага, не пропадет... Коли он ее нагнал!

— Нагнал, — убежденно тряхнул головой атаман. — Маюни — остяк, почти местный.

— Устинья на меня все сердилась, — Настя снова вздохнула. — Слухи ползли, будто я про нее говорила невесть какую чушь! А я ведь... ни разу! Никогда!

Юная атаманша, неожиданно всплакнув, припала к мускулисту плечу мужа, глянула искоса:

— Ты-то хоть мне веришь, Иван?

— Верю, — погладив супружницу по волосам, казак улыбнулся. — За Устинью я не волнуюсь, не-ет... А вот за Матвея да ватажку его... Неужто — сгинули?

— Да не может такого быть, чтоб сгинули! — Настя передернула плечами. — Что они, дети малые? Опытных казаков полно — сам Серьга, да Ганс, да Силантий, да отец Амвросий в придачу! И вообще — в первый раз, что ли? Зелья порохового у них полно, припасу боевого в избытке. Тем более — Митаюки...

— Да, Митаюка все пути-дорожки здешние добре ведает, — степенно согласился Иван. — Хорошая же на Матвею досталась. Жаль только — не венчаны, да и детишек пока Бог не дает.

— Потому и не дает, что не венчаны! — Настя фыркнула, накидывая кухлянку — показалось, будто невдалеке, у крыльца, слышались чьи-то шаги.

Мимо кто шел? Иль к атаману с делом каким? Хм... и какие дела-то в такую-то рань? Солнце вон за окном еще не показалось, да и колдовское не в полную силу светит — сиреневой луною над дальним лесом висит.

— Нет, все ж таки, мыслю, должны бы они к весне либо гонца послать, либо сами явиться, — одеваясь,

рассуждал сам с собой атаман. Так и на кругу решено было.

Настя не слушала мужа. Поднялась, да, колыбельку качая, в мысли свои погрузилась. Про Устинью задумалась, про Митаюки, про все свое житье-бытье.

Прав ведь и Иван, прав — иногда такая скука нахлынет, что просто волком выть хочется! Вспомнится город родной, ярмарки многолюдные, веселье! Вроде б и не шибко-то хорошо жила Настя, а вот, поди ж ты, плохое-то почти что и не вспоминалось, все больше — хорошее. Как с девками на качелях качались, как пироги ели, сладкие, с ревенем, как... А потом — полон татарский, насильничанье и пустота — тьма. Не казаки бы, не Иван... где б сейчас была-то? Да и все остальные девы... Ах, Устинья, Устинья, жаль, что острог покинула, ну да, дай бог, остяк Маюни ее догнал, отыскал, теперь, поди, вместе обживаются на Пустозерье... Ага, обживаются! На какие шиши, интересно? Доли-то своей молодой остяк не забрал, да и вообще, похоже, о ней не думал — за Устиньей следом кинулся. Ну, рыбу-зверя промыслить умеет, к артели какой-никакой пристанет — проживут. Иное беспокоит боле — ватажка Матвеева. Неужто и впрямь — сгинули? Этакие-то опытные казаки? Да еще и Митаюки с ними — дева рассудительная, умная, к мужу своему, Матвею Серьге, привязчивая, да и так — для всех в остроге хорошая. С каждым поговорит, каждому улыбнется, для каждого слово доброе молвит — краса дева! Так-то оно так... но вот раньше Насте казалось, что добрей да услужливей Митаюки, кажется, и нет человека, а сейчас... сейчас вот так почему-то не кажется. Почему? Поди, разбери. Может, просто потому, что саму-то Митаюки Настя давненько уже не видела.

По крутым ступенькам крыльца застучали сапоги — значит, не показалось, и впрямь шел кто-то. И кого это с утра-то пораньше принесло?

Вот — слышно было — ходок шумно высморкался, стукнул в дверь:

— Дозволь доложить, господине.

— Доложить? — выйдя в неширокие сени, атаман отворил дверь. — А, это ты, Якиме. Заходи, заходи, садись вон на лавку, в горнице.

Верный атаманов оруженосец Яким, перекрестившись на висевший в углу образок Николая Чудотворца, поклонился скромненько — весь из себя неприметный, простоволосый, молчальник, слова лишнего клещами не вытянешь. Ростом невысок, однако жилистый, сильный, а ходил всегда неслышно, как тень.

— В море что-то не то, атамане, — откашлявшись, доложил Яким.

Егоров невольно напрягся:

— Что значит — не то? Колдуны на драконах своих кружат?

— Не колдуны, господине. Думается — лодка.

— Почему думается? — повел плечом атаман.

— Далеко еще, видать плохо. С юга идет, с колдовской землицы...

— Или вдоль берега кто-то с Печоры-реки плывет-добывается, — озабоченно перебил Иван. — Эх, труба моя зрительная куда-то задевалась! С осени найти не могу. Сейчас бы пригодилась — увидели бы, кто там веслами машет. Ла-адно, так поглядим — пошли.

Оба — впереди атаман, следом за ним — оруженосец — вышли из недавно сложенной избы и зашагали к надвратной башне острога, выстроенного казаками на небольшом островке посреди холодного северного моря, чтоб никакому зверью хищному — а на том бе-

регу таковых многонько шлялось — не донырнуть, не доплыть было. Добрый острог сложили — шагов триста в длину и двести в ширину, могучие стены из засыпанных камнями и галькой срубов высотой в пять человеческих ростов, еще и подвесной мостик, и ворота с башнею — на нее сейчас и подымались, с нее и махал часовой — молодой казак Короедов Семка. Отрок еще безусый совсем, иначе в походах опытен и к пороховому наряду падок зело.

— Здрав будь, атаман-батюшка! — браво выпятив грудь, выкрикнул Семка.

— И тебя да хранит Господь. — Иван одобрительно покивал, показывая, что зоркостью караульщика весьма даже доволен. — Ну, что там насмотрел?

— А вон! — парень махнул рукой к югу, где посреди синего моря маячила темная точка.

— Может, какой зверь морской? — прищурил глаза атаман. — Или кой-то из зубастых гадов. А зубастые сами в этакую холодрыгу не полезут — знать, колдуны направили.

— Может, и зверь, — тихо промолвил страж. — Токмо думается мне все же — лодка. Вона как волна-то играет.

— Да, похоже, лодка, — атаман присмотрелся. — И весла — вижу теперь. Челнок малый, не струг... И кто бы это мог быть-то?

— А не Матвеевы ли то казаки? — неожиданно предположил Короедов.

Иван дернул шеей:

— Те не с той стороны должны бы. Скорей — народец морской морей промышлять вышел, да вот отнесло к колдовским берегам. Ладно, что гадать? Подождем — увидим.

Ждали недолго — едва заметная точка, подгоняемая ловкими взмахами весел и ветром, вскоре превратилась в узнаваемый облик обтянутого шкурами челнока, в котором сидели двое. Лиц было не разобрать, однако правивший челноком человек вел свое суденышко вполне уверенно — прямо к причалам.

— Может, из пищалицы пальнуть? — запоздало предложил Семка. — Для острстки!

— Я вот тебе пальну! — Атаман уж хотел было ответить парню подзатыльник, да вовремя передумал — не солидно как-то.

Спустился — верный Яким следом — во двор, махнул рукой воротным, что открывали да спускали мосток. Все сделали быстро, ни одна петелька не скрипнула, ни один ворот — слава богу, уж чего-чего, а рыбьего жира в остроге хватало, да и сала тюленьего имелось в избытке — чего хочешь смазывай!

Перепрыгнув через плоский камень, Иван остановился в нескольких шагах от причала, у покачивающихся на мелкой волне стругов, глядя, как ловко, привязав челнок, на берег выбрались двое. Атаман улыбнулся — узнал уже. Распахнул объятия...

— Вот кого не ждал, гости дорогие! Ну, рад! Рад.

— И мы рады, да-а...

Поклонившись, произнес Маюни, юный остяк, проводник и шаман, еще по осени отправившийся вслед за любовью своей, Устиной. Девушка тоже поклонилась, однако вслух ничего не сказала и поплотней запахнула кухлянку, словно бы замерзла... или просто все еще была сильно обижена.

— Рад, что вы оба вернулись в здравии! — Иван хлопал хрупкого с виду остяка по плечу и еще раз добавил: — Рад.

— Мы не вернулись, однако, да-а... — Темно-зеленые, цвета еловых лап, глаза Маюни сверкнули обидой и вызовом. — Долю свою заберем и уйдем, да. Ведь доля-то мне положена?

— Ах, вот вы зачем... — Егоров задумчиво потрогал шрам и продолжал дальше, впрочем, без всякого гнева, лишь с грустью: — Жаль, жаль... Я-то думал... Однако — что ж, неволить не буду. Долю свою забережь, добра ты ватаге сделал немало. Однако допрежь того — заходите же, отдохните с дороги. А вечером о странствиях своих поведаешь!

Шаманенок неожиданно улыбнулся:

— Поведаю, да!

Потом обернулся, показал на Устинью, так и не проронившую еще ни слова:

— Ус-нэ краса ныне жена мне!

— Рад!

— Позволь, атаман, чум на бережку поставить. В остроге мы ночевать не хотим.

— Чум? — почесал затылок Иван. — Да ставь, твое дело. В острог-то — что? Совсем не пожалуете?

— Я приду, да-а, — остяк стукнул себя кулаком в грудь. — Вечером. Она, — он кивнул на Устинью. — Нет.

— Понимаю — обижена. Интересно только — за что? Ла-адно... — холодно улыбнувшись, Егоров махнул рукой. — Устраивайтесь, я прикажу, чтоб вам не мешали.

— Благодарствую, атаман.

— А ближе к ночи — жду.

— Маюни? Устинья?! — покормив сына, Настя радостно сверкнула очами. — Так они живы? Вернулись! Вот радость-то!

— Не особо-то они радостны, — сквозь зубы промолвил Иван. — Видеть никого не хотят, в острог не идут, чум себе разложили наособицу. Да и не вернулись — Маюни за долей своей приплыл.

— За долей... — тихо повторила дева. — Вот оно как. Видать, не оттаяла сердцем Устиньюшка.

— Да что про нее такое наговорили-то, что пришлось с острога сбежать, мать так-растак? — атаман в сердцах выругался.

Настя закусил губу:

— А ты будто не знаешь?

— Так, краем уха слышал что-то... Да дел у меня нет других, что ли, как только в сплетни бабы влезать?! Да ты не сердчай — напомним. Может, и скумекаем чего? Остяка мне отпускать больно уж неохота, проводник славный... да еще и бубен у него. А сила у того бубна против колдовских чар — почти как у Божьего слова... Меньше, конечно, но — почти.

— Я знаю, милый... — Атаманша ловко перепеленала ребенка и продолжала, усадив сынишку на пол, забавляться сделанными из деревянных чурок игрушками. — Ты просишь напомним... Слухи вдруг пошли про Устинью. Ну, помнишь, как ее тогда дикари-людоеды насильничали? Ну, эти... зверолюди-менквы. Она еще тогда руки на себя наложить хотела?

— Да помню.

— Так вот, осенью, вдруг ни с того ни с того и пошли слухи: мол, так сладко с менквами, прости господи, спариваться, что кто один раз попробует, то и мужиков боле иных не надобно! Про то глупые девки сиря, полоняницы наши, всем гуртом обсуждали, смеялись да Устинью пытались расспрашивать. Вот и я, грешная... спросила. Просто так, ничего дурного не думала! Вот дура-то! Как думаешь, может, стоит схо-